

К ВОПРОСУ О ГОРБАЧЕВСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ

Панченко А. В.

г. Минск, БНТУ

В 2020 г. будет 35 лет со дня провозглашения последним советским руководством во главе с М.С. Горбачевым во второй половине 1980-х гг. политики «перестройки», всколыхнувшей всё советское общество, заставившей, без преувеличения, «затаить дыхание» весь мир и приведшей к радикальной трансформации советской системы. Эта политика была инициирована непосредственным руководством правящей коммунистической партии с целью глубокого и всестороннего реформирования всех сфер советского общества. Но став главным проводником политики коренных преобразований советского общества коммунистическая партия, тем не менее, к началу 1990-х гг. переместилась на периферию политической жизни. Является ли этот переход закономерным в процессе эволюции советской политической системы? Ведь, фактически, политика «перестройки» представляла собою реформы «сверху», предпринятые по инициативе высшего политического руководства партии и государства, и которые на определенных этапах эволюции советской системы (реформы Н.С. Хрущева, «косыгинская» реформа 1960-х гг., попытка реформ Ю.В. Андропова) однако, отнюдь не затрагивали основ самой системы. Попробуем ответить на эти вопросы.

Как известно, перестройка привела Советское государство к прямо противоположным результатам, нежели было задумано и провозглашено инициаторами реформ «сверху». Более того, одна из крупнейших держав мира всего через шесть лет после начала «эпохи реформ», оказалась в условиях распада идеологических, политических и социально-экономических институтов государства. Процесс распада, в свою очередь, явился катализатором глобальных геополитических сдвигов в Восточной Европе, Центральной Азии, других регионах мира; сопутствовал трансформации политических систем и крушению базовых ценностей во многих государствах мира. Обвал СССР оказался столь стремительным и демонстративным, что представляется сомнительным наличие острой общественной потребности скорейшего юридического оформления распада государства, оформления, которое носило, на наш взгляд, скорее, нецивилизованный характер.

Многие исследователи и в наши дни задаются вопросом: как могло случиться, что Советское государство, выпестованное в ходе гражданской войны, выстоявшее в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны, не просуществовало и семи десятилетий и было упразднено по соглашению между лидерами славянских республик, входившими в состав Союза ССР?

По мнению ряда исследователей, скоропалительный крах советской системы и крушение социалистических идей, как в государствах Восточной Европы, так и в бывших союзных республиках, а также неготовность значительных масс населения к смене ориентиров, – отнюдь не позволяет говорить о естественном изживании существующего строя и подводит к мысли о заранее спланированных и успешно примененных технологиях по ликвидации социалистической системы и советского строя.

Очевидно, что молниеносный распад СССР стал прямым следствием планомерной и целенаправленной политики на экономический, политический, идеологический и военный подрыв СССР, финансируемый и осуществленный группой западных государств во главе с США посредством разработки и реализации экономических, финансовых, информационно-коммуникационных и политических технологий, внедрения агентов ЦРУ и агентов влияния, представителей других западных спецслужб в состав высшего политического руководства Советского государства. Этому способствовало, отмечает российский ученый В.М. Зубок, обострение к 1980-м гг. «главного противоречия в развитии советской системы: между принципами официально господствующей идеологии социализма и частными эгоистическими мотивами и интересами мирка номенклатуры, ... одержимостью номенклатуры Западом, продажностью привилегированных советских служащих (высокие чины ГРУ, КГБ и МИД Пеньковский, Носенко, Гордиевский, Шевченко), которые стали служить Западу, оправдывая свое предательство ненавистью к «тоталитаризму» и верой в «свободное общество» [1, с. 91, 92]. Ученым еще предстоит ответить и на вопросы о том, почему не оправдались прогнозы зарубежных аналитиков, согласно которым «на смену брежневскому руководству должны прийти «шовинисты», защитники империи до последнего дыхания», но вместо них внезапно появились «реформаторы-идеалисты, тяготевшие к социализму с человеческим лицом вперемежку с заимствова-

ниями отдельных идей из гуманизма Возрождения, американского либерализма и социального христианства» [2, с. 94]. Как могло случиться, что появилось, как его называет американский политолог и геостратег З. Бжезинский, «реформистское горбачевское руководство, улаживаемое, обхаживаемое и по-своему даже подкупленное Западом, а на последних стадиях и искусно манипулируемое персонально президентом Бушем и канцлером Колем», и которое подвело страну к тому, чтобы «смириться с ходом событий»? [3, с. 44].

Вместе с тем, на наш взгляд, важно подчеркнуть, что сводить преобразование СССР к внедрению специальных технологий, поискам агентов ЦРУ, агентов влияния и другим субъективным факторам – было бы односторонним утверждением, поэтому требуется комплексный анализ сущности проблемы.

Попытаемся аргументировать иную интерпретацию политики «перестройки» во второй половине 1980-х гг. Известно, что после победы Октябрьской революции 1917 г. большевистская диктатура сумела предотвратить национальную катастрофу, распад, анархию и хаос в России, заставив массы «организоваться и дисциплинироваться» (Н. Бердяев). Но последующее возведение фундамента советской системы сталинского типа проводилось на основе террора и репрессий в отношении всех слоев общества и превращения СССР в однопартийное бюрократическое государство, придавившего личность. Суть восхождения к абсолютной тоталитарной власти большевистской партии на начальном этапе в 1920-е гг. на большом фактологическом материале раскрыто, в частности, в монографии В.А. Божанова [4, с. 264].

С этой точки зрения систематическое насилие, принуждение, запугивание, вселение страха, деформировало сознание и психологию людей, извращало нравственные основы человека, разлагающе влияло на общество.

Первая возможность открытого выражения несогласия и протеста появилась после т.н. «хрущевской оттепели», выхода на поверхность политической жизни феномена «диссидентства». Диссидентство, преимущественно, было характерно для трёх слоев общества: творческой интеллигенции; верующих; некоторых национальностей, выразившим несогласие по разным причинам: отсутствие свободы творчества; ущемление религиозных чувств, особенно в католических кругах Литвы; отказ властей в эмиграции в Израиль советского

еврейства; недовольство местных национальных элит массовой миграцией в их республики русскоязычных переселенцев и политикой русификации в целом. В рабочей среде латентные формы забастовочного движения на предприятиях, где рабочие протестовали против произвола местных администраций, уже не были исключительной формой действий. В области культуры, в некоторых общественных науках стали возникать дискуссии, которые свидетельствовали о явных расхождениях с официально признанными нормами и ценностями.

Но следует подчеркнуть, что феномен «диссидентства» привлекал внимание скорее на Западе. Широкого резонанса в самом СССР, который бы позволил оформить его в массовое движение народного протеста, диссидентство не имело, а выражало лишь одну из сторон надвигавшегося кризиса. Попытка экономической модернизации в виде косметических «косыгинских» реформ 1960-х гг. в СССР оказалась безуспешной. И к началу 1970-х гг. в экономике страны становятся очевидными стагнация и застой. Элементы кризиса зреют и в самой структуре окостенелого образования «партии-государства», что проявляется в подмене творческой сути и догматизации марксистско-ленинского учения, под прикрытием которого партийно-государственная номенклатура исповедывала двойную веру, идеологию и мораль.

В этом смысле «перестройке предшествовал почти 30-летний опыт постсталинизма», связанный «с исчерпанностью мобилизационной модели развития», – подчеркивают политологи А.А. Галкин и Ю.А. Красин. «Перестройка стояла на плечах XX съезда КПСС и поэтому пошла гораздо дальше: на «прорыв» в будущее. Но эту политику «задушили на взлёте, не дав довести до конца её начинания» [5, с. 161-162; 171].

Перестройка стала «глотком свежего воздуха», была массово поддержана самыми широкими слоями населения. Впервые за многие десятилетия реформы «сверху» проводились фронтально и во всех сферах жизни общества. Демократизация проходила под знаком ускорения социально-экономического развития страны. Но вскоре приоритет был отдан политической реформе. Суть политических преобразований сводилась к разграничению функций партии и государства, а также реанимации Советов как носителей законодательной власти. Но сразу же возникло противоречие: лица, преж-

де входившие в номенклатуру партаппарата – стали «народными избранниками», депутатами Советов всех уровней. Тем не менее, набиравшая силу тенденция перемещения власти от партии к Советам вынудила партийно-государственную номенклатуру предпринять попытку возвращения утраченных позиций посредством введения института президентства (март 1990 г.). Но это уже потребовало инициирования «разделения властей» и выстраивание отношений института президентства с другими ветвями власти, прежде всего, законодательной властью в лице парламента. Уважать парламент и делить с ним власть коммунистическая партия оказалась неспособной, поскольку парламент подрывал её монополию на власть.

В начале 1990-х гг. процесс трансформации политических структур вышел за пределы союзного уровня. Всё большую самостоятельность приобретали регионы – республиканские органы власти и управления. Произошло «растекание» власти, но не к Советам всех уровней в рамках общесоюзного пространства, а к политическим структурам союзных республик. Усиление центробежных тенденций привело к окончательному падению авторитета и влияния коммунистической партии, которая лишилась своих прежних рычагов власти и перешла на периферию политической жизни. Повысилась значимость и роль республик в политическом процессе, обретающими независимость и суверенитет. Вместе с этим стали усиливаться очаги социальной, межэтнической напряженности, обострялись межнациональные конфликты, которые привели в ряде регионов к гражданским войнам.

Выводы:

1. Коммунистическая партия довела процесс формирования политических структур и политических отношений в советской системе до тоталитарного совершенства и на определенном этапе (вторая половина 1980-х гг.) выступила катализатором процесса радикального обновления страны.

2. Реформы «сверху» были обусловлены движением «маятника» общества в противоположную сторону, который набирает силу хода с распространением новых форм и методов контроля и администрирования в советском обществе, пришедшими на смену жесткой мобилизационной модели сталинского типа. Система стала способной к отторжению функционирующих политических структур и меха-

низма властвования в целом, динамику которому и придала коммунистическая партия.

3. Очевидно, что движение «маятника» оказалось искусственно усиленным за счет непрекращавшейся в течение многих десятилетий «холодной войны» между двумя социально-политическими системами, на проведение которой выделялись значительные, если не сказать колоссальные ресурсы обеими сторонами. Победу в этой войне одержал блок социально-политической системы Запада.

4. Советское руководство во главе с М.С. Горбачевым в середине 1980-х гг. предприняло радикальные действия по выведению «маятника» из своего крайнего состояния. Эти действия получили название «перестройка» и были обусловлены объективными факторами социально-экономического и политического процессов в стране. Но, с другой стороны, имеют место утверждения о заранее подготовленном и хорошо спланированном «заговоре» с использованием технологий по ликвидации советской системы.

5. Наметившаяся тенденция к делигитимизации государственной власти, доминирования правового нигилизма к окончанию перестройки – имели, на наш взгляд, основания для направления политического процесса в иное русло, посредством поэтапного и цивилизованного преобразования СССР. Существует точка зрения, согласно которой «... Ельцин и его соратники разрушали Союз не потому, что были глубоко убеждены, что это – их долг и путь к всеобщему счастью, а потому, что хотели как можно скорее прийти к власти. Именно это стремление, а отнюдь не бескорыстный угар демократического энтузиазма, влекло их к разрушению союзного государства, ... Старика прихлопнули, чтобы не ждать несколько лет его наследства ...» [6, с. 16].

6. Практическая реализация перестройки в целом обозначила новые тенденции в развитии постсоветской государственности, выявила проблемы и трудности в процессе становления и развития современных политических структур и политических отношений на территориях новых независимых государств.

Использованные источники и литература

1. Зубок, В. М. «Истоки делигитимизации советского режима» / В. М. Зубок // ПОЛИС. – 1994. – № 2. – С. 88-97.
2. Там же.

3. Brzezinski, Z. The cold war and its after-math / Z. Brzezinski // Foreign Affairs. – N.Y. – 1992. – Vol. 71. – № 4. – P. 44.

4. Божанов, В. А. Восхождение к абсолютной власти: Большевики и советское государство в 20-е годы / В.А. Божанов. – Минск: Тесей, 2004. – 272 с.

5. Галкин, А. А. Перестройка с дистанции в три десятилетия / А.А. Галкин, Ю. А. Красин // ПОЛИС. – 2015. – № 5. – С. 160-173.

6. Фурман, Д. Российские демократы и распад Союза / Д. Фурман // Век XX и мир. – 1992. – № 1. – С. 16.

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПРАЦЭСА УТВАРЭННЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ Ё ПРАЦАХ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ 50-х – СЯРЭДЗІНЫ 80-х гг.

Райчонак А. А.

г. Мінск, БДТУ

У гістарыяграфіі ўтварэння беларускай дзяржаўнасці ХХ стагоддзя можна вылучыць чатыры асноўныя перыяды: 1) гістарыяграфія 20-х гг.; менавіта ў гэтыя гады быў закладзены падмурак савецкай гістарыяграфіі дзяржаўнасці Беларусі. З агульна-метадалагічных праблем, характэрных для гэтага перыяду, на наш погляд, галоўнымі з’яўляюцца: блізкая адлегласць публікацый ад падзей, якія ў іх аналізаваліся, што ў поўнай меры не давала магчымасці ацаніць гістарычную значнасць тых ці іншых фактаў, і пэўная ідэалагічная ангажаванасць іх аўтараў, што ў сваю чаргу, замінала непрадзюжата ацэньваць як свае ўласныя дзеянні, так і дзеянні сваіх палітычных апанентаў; 2) гістарыяграфія 30-х – першай паловы 50-х гг. Характарызуючы ўвесь перыяд 30-х – пачатку 50-х гг., можна зазначыць, што ён з’явіўся крокам назад у параўнанні з гістарыяграфіяй 20-х гадоў, якая, і сама не была пазбаўлена пэўных недахопаў. Для прац 30-х – 50-х гадоў, якія тычацца праблем станаўлення беларускай дзяржаўнасці, характэрна падмена канкрэтнага гістарычнага аналізу этапаў нацыянальна- дзяржаўнага будаўніцтва на Беларусі агульнымі разважанымі на тэму права народаў на самавызначэнне; успрыманне гісторыі праз паняцці “рэвалюцыйнае – контррэвалюцыйнае” з залічэннем у апошнія ўсяго таго, што не ўпісвалася ў рамкі афіцыйнай ідэалогіі. Працы гэтых гадоў толькі ўмоўна можна аднесці да навуковых, бо галоўнай іх мэтай